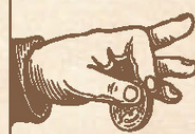

ДЖОН РЁСКИН

Радость навеки
и ее рыночная
цена

Авторская серия Джона Рёскина

Джон Рёскин

**Радость навеки и
ее рыночная цена**

«РИПОЛ Классик»

УДК 7.0
ББК 87.8

Рёскин Д.

Радость навеки и ее рыночная цена / Д. Рёскин — «РИПОЛ
Классик», — (Авторская серия Джона Рёскина)

ISBN 978-5-386-10433-7

Вниманию читателей предлагается книга выдающегося английского искусствоведа и социального реформатора Дж. Рёскина, написанная на основе лекций, прочитанных им в Манчестере в 1857 году. Автор ставит перед собой трудную задачу – внести мораль и эстетику в политическую экономию; частью решения этой задачи является стремление ввести элементы красоты в повседневную будничную жизнь человека, в его труд и производство. Настороженно относясь к современной ему машинной цивилизации и проповедуя свободный облагороженный труд, Джон Рёскин высказывает ряд интересных идей о месте и роли государства, об открытии и применении таланта человека, о накоплении и распределении результатов труда и др. Книга будет интересна философам, искусствоведам и специалистам в области истории экономической мысли, а также всем заинтересованным читателям.

УДК 7.0

ББК 87.8

ISBN 978-5-386-10433-7

© Рёскин Д.
© РИПОЛ Классик

Содержание

Предисловие	6
Радость навеки и ее рыночная цена	7
Чтение I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Джон Рёскин

Радость навеки и ее рыночная цена

JOHN RUSKIN

Political Economy Of Art

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

Предисловие

Большая часть предлагаемых очерков является точным воспроизведением лекций, читанных мною в Манчестере; но наиболее краткие положения, встречавшиеся при устном изложении, развиты мною здесь полнее и обстоятельнее и сопровождаются значительным количеством примечаний – для объяснения тех пунктов, которых, за недостатком времени, находившегося в моем распоряжении, я не мог достаточно развить при чтении.

Вероятно, не мешает извиниться перед читателями за желание обратить их внимание на предмет, глубокое изучение которого, по-видимому, несовместимо с моей специальностью. Но глубокое изучение едва ли нужно как пищущему, так и читателям, тогда как точное знание вопроса до известной степени необходимо всем нам. Политическая экономия на простом английском языке значит «экономия граждан», и ее основные принципы должны быть поняты всеми, берущими на себя ответственность, сопряженную с именем гражданина, подобно тому как хозяйственная экономия должна быть понята всеми, принимающими на себя ответственность за ведение домашнего хозяйства. К тому же основные принципы политической экономии вполне ясны, но многие из них неприятны по своим практическим требованиям, и люди обыкновенно ссылаются на то, что не могут понять их, единственно потому, что не желают им следовать, или, вернее, в силу того, что обычное неповиновение этим принципам лишает их даже способности понимать их. Да, из всех действительно великих принципов этой науки нет ни одного неясного или спорного, ни одного непонятного даже юноше, как только он начинает зарабатывать свой хлеб, или девице, начинающей принимать участие в домашнем хозяйстве.

Я скорее заслуживал бы упрека в том, что считаю необходимым подробно выяснять те пункты, которые, по-видимому, должны быть известны всем. Но едва ли можно меня в этом обвинять, так как явления в области промышленности, ежедневно сообщаемые газетами, а тем более пояснения, делаемые этими последними, ясно указывают, что значительная масса так называемых промышленных предпринимателей так же невежественна относительно свойств денег, как и беспечна, несправедлива и несчастна в деле их употребления.

Изложение экономических принципов в тексте – хотя я знаю, что если не все, то большинство из них уже приняты существующими авторитетами в области этой науки, – не подтверждаются мною цитатами потому, что я никогда не читал ни одного автора по политической экономии, кроме Адама Смита, да и того двадцать лет тому назад. Каждый раз, когда я раскрывал какую-нибудь современную книгу по этому вопросу, то всегда находил, что она загромождена исследованиями по случайным и второстепенным промышленным вопросам, следить за которыми у обыкновенного читателя нет свободного времени и сложность которых, по-видимому, не редко лишает самих авторов возможности понимать самую основу дела.

В заключение замечу, что если читатель будет склонен осуждать меня за слишком радужное представление о возможных изменениях в практике политической жизни, то пусть он только подумает о том, как дико показалось бы современникам Эдуарда I, если бы им сказали, что современный нам строй политико-экономической жизни не только неизбежен, но даже возможен. А я думаю, что наш прогресс со времен Эдуарда I состоит не столько в том, что нами уже достигнуто, сколько в том, что мы имеем возможность достигнуть в будущем.

Радость навеки и ее рыночная цена

Чтение I

В числе различных характерных черт нашего века, отличающих его от столетий, пережитых нашим не очень старым миром, я считаю, что справедливое и разумное презрение к бедности является одною из самых выдающихся. Повторяю: справедливое и разумное; хотя и замечая, что некоторые слушатели удивлены тому, что я высказываю такие вещи. Но уверяю вас, что я говорю вполне серьезно и не решился бы сегодня вечером обратиться к вам с этой речью, если б не относился с глубоким уважением к богатству – разумеется, к истинному богатству; ложное же богатство, как и все ложное, конечно, не заслуживает ни малейшего уважения; и различие между действительным и ложным или мнимым богатством и есть тот пункт, относительно которого мне предстоит теперь сказать вам несколько слов. Да, я, как уже сказал, ценю истинное богатство очень высоко и разделяю большею частью то особенное чувство, в силу которого наш век открыто воздаст дань уважения богатству, причем не могу удержаться, чтоб не заметить, как необычайно и как резко отличается наш век от всех прошедших эпох тем, что у него нет ни философских, ни религиозных поклонников дырявого божества бедности. В эпоху классической древности не только находились люди, добровольно жившие в бочках и серьезно защищавшие преимущество жизни в бочках перед жизнью в городах, но даже греки и римляне, по-видимому, смотрели на этих эксцентричных и – не смущаясь, прибавляю – нелепых людей с таким же уважением, с каким мы относимся к крупным капиталистам и землевладельцам, так что в то время люди, можно сказать, гордились пустыми, а не туго набитыми, кошельками. Нас не меньше поражают те почести, которые этот странный греческий народ воздавал своим высокомерным беднякам, как и то презрение, с каким он относился к богачам; так что нет никакой возможности долго прислушиваться к нему или к его подражателям – к римским писателям – без того, чтоб не запутаться во всевозможных благовидных нелепостях; причем эти древние греки и римляне стараются убедить нас в бесполезности накопления тяжелого желтого вещества, называемого золотом, и возбудить вообще сомнение относительно всех установленных политико-экономических учений. В Средние века дело обстояло не лучше, греки и римляне довольствовались тем, что осмеивали богатых людей и сочиняли забавные разговоры между Хароном и Диогеном или Мениппом, в которых перевозчик и циник ликует при виде того, как плачевные толпы царей и богачей приближаются к Ахерону, бросая свои венцы в мрачные воды и тщетно отыскивая в своих сокровищницах ту монету, которая могла бы оказаться им полезной. Но этот языческий взгляд довольно снисходителен сравнительно с тем, который существовал в Средние века, когда богатство в глазах лучших людей казалось не только презренным, но и преступным. Кошель с деньгами, висящий на шее, является во всех изображениях ада одним из главных указаний на вечное осуждение, а дух бедности чтится с такой же сердечной теплотой и искренней почтительностью, с какой честный рыцарь относился к даме своего сердца и верноподданный – к своей царице. И действительно, нужно обладать известной смелостью, чтоб совсем отделаться от этих чувств и открыто признать их односторонность или ошибочность, что мы принуждены, однако, сделать. Ведь богатство есть, в сущности, просто одна из великих сил, вверенных в руки человека; сила, которой нельзя, правда, завидовать, потому что она редко дает счастье, но которую, тем не менее, нельзя ни презирать, ни отталкивать от себя, так как она – в настоящее время и в нашей стране – является тем более серьезной, что власть богача проявляется не в горах золота и не в сундуках, наполненных драгоценными камнями, а в массе людей, направляемых на различные отрасли труда и над телом

и душой которых богатство, судя по обстоятельствам, имеет или вредное, или благотворное влияние, становясь, таким образом, источником праведности или гибели.

И вот, в силу того, что вы, судя по названию, признаете обширное собрание английских картин тоже за ваше сокровище, т. е. за известную частицу или крупницу действительного богатства нашей страны, я и думаю, что вы, может быть, не без интереса проследите за некоторыми коммерческими вопросами, находящимися в связи с этой особенной формой богатства. Большинство людей выражает удивление по поводу их количества, так как прежде они не имели никакого понятия о накопленном в Англии количестве произведений хорошего искусства; и потому, я надеюсь, далеко небезынтересно будет для вас рассмотреть, какое политико-экономическое значение имеет это накопление, какого рода труд оно представляет собою и как вообще этот труд может быть применен и экономизирован с целью дать наилучшие результаты.

Я попрошу вас несколько набраться терпения, так как, прежде чем рассмотреть специально этот вопрос, мне необходимо коснуться некоторых общеизвестных и установленных пунктов в области политической экономии; хотя я и говорю, что они установлены, тем не менее некоторые из них, и именно те, на которых мне придется особенно останавливаться, далеко не общепризнанны; я не буду тратить времени на подробную защиту их, тем не менее, мне необходимо ясно высказать вам, в какой форме я желаю их рассматривать, и считаю это тем более нужным, что, может быть, часть моих слушателей совсем не интересовалась политической экономией и желает, тем не менее, узнать, как ее принципы могут быть применены к искусству. Поэтому я, с вашего позволения, злоупотреблю вашим терпением и позволю себе вначале коснуться нескольких элементарных положений, а в дальнейшем течении нашего специального исследования изложить и некоторые общие принципы.

Итак, начнемте с одного из этих необходимых трюизмов: экономия государств, как и отдельных хозяйств и личностей, есть искусство правильно управлять работой. Мир так устроен Провидением, что труд человека, правильно примененный, вполне достаточен, чтобы в течение жизни снабжать его не только всем необходимым, но и многими приятными предметами роскоши, предоставляя ему возможность даже наслаждаться длинными промежутками для отдыха и полезного досуга. И труд наций, правильно примененный, вполне достаточен, чтоб снабдить все население хорошей пищей, удобными жилищами, и не только этим, но и доставлять ему хорошее воспитание, предметы роскоши и сокровища искусства, вроде тех, которые в данную минуту окружают вас. Но, в силу тех же законов Провидения и природы, если труд нации или отдельной личности ложно направлен, а тем более если он недостаточен – если нация или отдельный человек ленивы или неразумны, – то появляются страдания и лишения, как раз соответственно степени нерадивости и неразумия, соответственно нежеланию работать или ложному применению труда. Всюду в окружающем вас мире, встречая нужду, несчастье или развращенность нравов, вы смело можете быть уверены, что они являются результатом недостатка в труде или ложного его направления. Явления эти неслучайны, бедствия эти не по воле Провидения; не первородное или прирожденное зло человеческой природы наполняет ваши улицы стенаниями и ваши кладбища – воплями. Нет, все эти бедствия произошли от того, что вместо предусмотрительности явилась безумная трата, вместо трудолюбия – сладострастие, вместо правильной подчиненности – своеволие¹.

В настоящее время мы придаем слову «экономия» то значение, какого оно совсем не имеет. Мы постоянно употребляем его в смысле простого сбережения или сохранения; экономия денег означает сбережение денег, экономия времени – сбережение времени и т. д. Но это совсем варварское употребление этого слова – варварское вдвойне, потому что ему придается то значение, какое оно имеет не на английском языке, а на плохом греческом; втройне даже варварское, так как ему придается значение не английское, а дурное греческое, и притом самое

¹ «Мало хлеба бывает на ниве бедных, но некоторые гибнут от беспорядка» (Притчи, XIII, 23).

неточное. Экономия означает так же сбережение, как и трату денег. Она означает управление домом, руководством, т. е. как трату, так и сбережение с наибольшей пользой или выгодой и денег, и времени, и всего. В самом простом и ясном смысле экономия, и общественная и частная, означает разумное руководство в тройном смысле, а именно в смысле разумного применения труда, в смысле бережного охранения его продуктов и, наконец, в смысле своевременного и правильного распределения их.

Итак, прежде всего, экономия заключается в разумном применении труда, с целью получить возможно более ценные и прочные вещи: не выращивать овса там, где может расти пшеница, и не украшать тонкими вышивками гнилую материю; затем в тщательном охранении продуктов труда, т. е. в разумном сбережении нашей пшеницы в складах на случай голода и ваших вышивок от моли; и, наконец, в своевременном и правильном распределении продуктов – так, чтоб вы могли немедленно доставлять ваше зерно в те местности, где народ голодает, и ваши вышивки, где народ наряжается, во всем исполняя слова премудрого относительно как царственной жены, так и царственной нации: «Она встает еще ночью и раздает пищу в доме своем и урочное служанкам своим. Она делает себе ковры; виссон и пурпур – одежды ее. Крепость и красота – одежды ее, и весело смотрит она на будущее».

Теперь заметьте, что в этой характеристике вполне совершенного экономиста или доброй домашней хозяйки вы находите обдуманное выражение уравновешенного разделения ее забот между двумя великими группами предметов пользы и блеска: в правой руке – пища и прядиво для жизни и одежды, а в левой – пурпур и шитье для чести и красоты. Любое совершенное хозяйство или правильная национальная экономия узнается по этим двум признакам: всюду, где недостает хоть одного из них, экономия несовершенна. Если преобладает пышность и заботы политикоэконома направлены только на накопление золота и картин или шелка и мрамора, то вы сразу можете решить, что скоро настанет время, когда все эти сокровища погибнут и исчезнут вместе с разорением нации. Если же, наоборот, преобладает элемент пользы и нация презирает заниматься искусствами, создающими предметы красоты и восторга, то не только известная доля ее энергии, предназначенная на проявление себя в этих искусствах, тратится бесполезно, указывая на плохую экономию, но и чувства становятся болезненно извращенными, и низкая жажда накопления ради простого накопления или даже труда ради труда изгоняет всякую отраду и нравственность из жизни нации сильнее и неблагоприятнее, чем даже расточительность гордости и легкомыслие наслаждения. И точно так же и даже вернее, судить о частной экономии домашнего хозяйства вы можете всегда по тому, насколько в нем польза сопряжена с удовольствием. Вы увидите, что сад мудрой хозяйки красиво соединяет в себе хорошо посаженный огород с душистым цветником; вы увидите, что добрая хозяйка гордится красивыми скатертями и сияющими чистотой полками не меньше, чем сытным обедом и полными кладовыми; и, уважая ее за ее серьезность, вы лучше познаете ее по ее улыбке.

После этих предварительных замечаний я сегодня и в следующий раз займусь больше экономией сада, чем хозяйственным двором. Я попрошу вас рассмотреть вместе со мной те законы, руководясь которыми мы можем лучше разбивать клумбы нашего национального сада и выращивать на них наиболее пышный ряд деревьев, приятных для взора (в разумном смысле), с целью почерпнуть из них подобающие для нас уроки мудрости. Но прежде чем приступить к рассмотрению специально занимающего нас вопроса, позвольте несколько остановиться, чтобы вместе с вами настоять на признании принципа управления или авторитета, который должен служить основой всякой экономии как в деле пользы, так и в деле удовольствия. Несколько минут тому назад я сказал, что труд нации, хорошо направленный и примененный, вполне достаточен, чтоб доставлять всем хорошую пищу, удобный кров, одежду и приятные предметы роскоши. Но хорошее, своевременное и постоянное применение труда составляет все. Когда наши здоровые руки лишены работы, мы не должны дико оглядываться кругом в поисках за каким-нибудь занятием для них. Если вы когда-нибудь чувствуете такую

нужду в работе, то это вернейший признак, что все ваше хозяйство не в порядке. Вообразите себе фермершу, к которой в полдень являются две или три ее работницы и заявляют, что им нечего делать, что они не знают, чем им теперь заняться; и представьте себе дальше, что эта жена фермера безнадежно осматривает и свой дом, и свой двор, находящиеся в сильном беспорядке, и, не зная, к какой работе приспособить этих работниц, начинает, наконец, горько сетовать на то, что ей приходится даром кормить их обедом. Вот образец той политической экономии, которую мы слишком часто практикуем в Англии. Не скажете ли вы о такой хозяйке, что она не имеет понятия о своих обязанностях? И не находите ли вы, что при правильном ведении хозяйства хозяйка всегда будет рада иметь несколько свободных рук, готовых помочь ей? Что она всегда тотчас же знает, к какой работе их применить, какую часть завтрашней работы можно с удобством сделать сегодня, какую часть работы будущего месяца можно благоразумно подготовить или какую новую отрасль производства выгодно начать? И что с наступлением вечера, отпуская рабочих на отдых или собрав их для чтения вокруг рабочего стола, она должна быть уверена, что ни одна работница не была утомлена чрезмерным трудом, так как ни одна не оставалась праздною, что все было выполнено, так как все были заняты; что доброта хозяйки содействовала ее сметливости и более легкая работа предоставлена была наиболее слабым, а наиболее трудная – наиболее сильным; что никто не был обесчещен бездельностью и ничьи силы не надорваны чрезмерным трудом?

Действительно мудрой хозяйкой явилась бы нация, правильно понимающая политическую экономию. Вы жалуетесь на трудность найти работу для ваших людей, тогда как, в действительности, затруднение должно состоять в недостатке людей для всех нужных работ. Серьезный для вас вопрос заключается не в том, сколько людей вам нужно прокормить, а сколько выполнить работ; наша праздность, а не голод разоряют нас; не будемте никогда опасаться слишком хорошего аппетита наших работников: наша мощь в их силе, а не в их голодании. Взгляните кругом на ваш остров и определите, что вам нужно делать. Можно реветь, ударяясь о ваши бесприютные утесы, – вам нужно устроить волнорезы и гавани, могущие служить верным убежищем; заразные болезни, порождаемые нечистотами, опустошают ваши улицы; вам нужно спустить потоки с ваших холмов и дать свободный доступ воздуху; голод делает бескровными ваши губы и изнуряет ваше тело – вам следует осушить топи и болота, а не запустить их, и не выдавливать из скал мед и елей. Такие работы – и множество им подобных – нам предстоит выполнять и теперь и постоянно на этой нашей обширной ферме; и никогда не предполагайте, что страна представляет что-нибудь иное. Те же законы, которые применимы к правильному ведению хозяйства на ферме или в имении, пригодны и для процветания провинции и страны. Те упреки, с которыми вы считали бы нужным обратиться к нерадивому хозяину дурно управляемого наследственного имения, мы должны делать и себе, заставляя народ страдать от безработицы, страну – от неурядицы. Что сказали бы вы хозяину имения, обращающемуся к вам с жалобой на свою бедность, на свое бессилие выйти из нее, а на ваши указания, что поля его наполовину заросли сорными травами, что все изгороди поломаны, скотные дворы без крыш и работники лежат голодными под заборами, он ответил бы вам, что окончательно разорился бы, если б очистил поля от сорных трав, покрыл скотные дворы, что это все слишком дорогие для него предприятия, что он решительно не знает, как прокормить рабочих и из чего платить им? Разве вы не сказали бы ему, что очистка полей от сорных трав не разоряет, а спасает его от бедности, что бездельность губит его и что, давая рабочим возможность работать, он тем самым найдет возможность и прокормить их? Теперь, сколько бы вы ни прибавляли десятин или сколько бы вы ни расширяли имения и ни увеличивали число их, всегда для них обязательны будут те же простые законы хозяйства. Принципы, правильные при администрации небольшого количества полей, не менее правильны для обширной страны с беспредельными границами: праздность великого множества людей не перестает

быть разорительной только потому, что ею охвачены массы народа, а труд не перестает быть производительным, став всеобщим.

Но вы возражаете, что есть одна существенная разница между хозяйством нации и частного человека: последний имеет полную власть над своими рабочими; он может всегда направить их на необходимую работу, желают ли они того или нет; он может моментально прогнать их, если они не желают работать, мешают работе других или оказываются непокорными и сварливыми. Да, разница громадная, и на нее-то я и желаю преимущественно обратить ваше внимание, так как вам нужно главным образом отделаться от нее. Мы признаем необходимость авторитета при управлении фермой, флотом, армией, но обыкновенно отрицаем ее в деле управления страной. Однако ж остановимся несколько на этом вопросе.

Французы, проделывая множество разнообразных и злополучных экспериментов в деле развития и улучшения социальной системы, пришли наконец к признанию одного, вполне верного принципа – принципа братства. Пожалуйста, не пугайтесь этого принципа, опыты применения которого были вполне ошибочны, потому что при этом забывалось, что братство неизбежно устанавливает другой столь же важный факт – факт сыновнего признания одного общего отца. Другими словами, если мы рассматриваем нацию за семью, то единство этой семьи столько же зиждется на признании, что у нее есть глава, отец, сколько и на солидарности или братстве всех ее членов. И этого-то мы никогда не должны забывать, не должны исповедовать только устами, отрицая в действительной жизни. Каждое воскресенье мы знаем, что человек, одетый в черное одеяние, будет обращаться к нам с проповедью, как к братьям, и высказывать нам вещи, признаваемые нами за правду, но мы были бы сильно шокированы, если бы это вынуждало нас к признанию существования братства между нами вне церкви. Мы едва ли найдем несколько строк по политическим вопросам, в которых не говорилось бы об «отеческих заботах правительства», но мы поражены были бы ужасом при мысли о правительстве, претендующем иметь над нами нечто вроде отцовского авторитета. После только что сказанного мне кажется, что сравнение и уподобление хозяйства фермы хозяйству страны если и страдает каким-нибудь недостатком, то разве только в том отношении, что пример мой чрезмерно не узок, а широк и что истинным типом хорошо организованной нации должна служить не ферма, обрабатываемая наемными рабочими, которых можно всегда моментально рассчитать, если они отказываются работать, а ферма, в которой хозяином является отец, а работниками – его сыновья и в распорядках которой имеют значение не только принятые на себя обязательства, но и узы любви и взаимной ответственности членов одной семьи, где тягота всех дел и работ не только облегчается братским согласием, но и подкрепляется отцовским авторитетом².

Заметьте, я отнюдь не думаю этим сказать, что мы должны передать такой авторитет в руки какой-нибудь отдельной личности, группы людей или класса. Но я хочу этим дать понять, что как каждый человек, мудро устрояющий свою жизнь, должен составить себе ясно определенные правила жизни, которые тем не менее могут оказаться порой стеснительными или оскорбительными и которым он больше всего должен следовать именно тогда, когда они кажутся наиболее стеснительными, точно так же и нация, желающая мудро жить, должна признать над собой авторитет царей, советов или законов, которым и должна повиноваться, даже когда этот закон или авторитет кажутся стеснительными для массы народа или обидными для известной группы нации. Этого рода национальные законы имели до сих пор только судебное или карательное значение, ограничиваясь только предупреждением и наказанием насилия и преступления; но по мере нашего преуспевания в социальных знаниях мы будем стараться, чтобы наше правительство имело не только судебную, но и отеческую власть, т. е. установим такие законы и такой авторитет, которые будут руководить нами в наших занятиях, защищать нас от наших сумасбродств и помогать нам в наших бедствиях; будем иметь правительство,

² См. примечание 1-е в прибавлениях.

которое будет пресекать бесчестность, как теперь карает воровство, которое покажет, как дисциплина масс может содействовать развитию мирных работ, подобно тому, как до сих пор дисциплинировались массы для войн, – правительство, у которого будут свои воины плуга, как и воины сабель, и которое будет с большей гордостью раздавать свои кресты за трудолюбие, золотые, как спелая нива, чем теперь свои почетные кресты, бронзированные багряной кровью.

Я не имею, конечно, времени, чтобы подробно обрисовать вам характер и свойства такого рода правительства, и хотел только обратить ваше внимание на ту бесспорную истину, что признание дисциплины и вмешательства лежит в самом корне человеческого прогресса и власти и что принцип невмешательства или предоставления человека собственным силам во всех сферах человеческой деятельности есть принцип смерти; что гибель грозит ему, гибель бесспорная и окончательная, если он предоставляет на произвол собственных сил свою страну, своих собратий, свою собственную душу; что вся жизнь человека – если это здоровая жизнь – должна быть посвящена тому, чтоб постоянно пахать и очищать, порицать и помогать, управлять и карать, и что только в признании великого какого-нибудь принципа принуждения и вмешательства в национальную деятельность он и может надеяться обрести тайну защиты от национального бесчестия. Я нахожу, что народ имеет право требовать образования от правительства, но лишь поскольку он признает себя обязанным повиноваться этому правительству. Я думаю, что он имеет право требовать работы от своих правителей, но лишь поскольку он признает за последними право руководить и дисциплинировать его работу и лишь поскольку массы предоставляют людям, признанным за правителей, отцовский авторитет, удерживающий ребячество национальной фантазии и направляющий своеобразие национальной энергии, постольку они и имеют право требовать, чтоб ни одно из народных бедствий не оставалось без помощи, ни одно из злополучий – неисправленным, чтоб при каждой горе, при каждой гибели видна была протянутая рука помощи и приподнятый ограждающий щит отца³.

Я остановился на этом вопросе дольше, чем следует для предмета наших исследований, потому что, заговорив с вами в первый раз о политической экономии, я должен был ясно установить, что считаю главным, основным ее принципом; к тому же мне не хотелось, чтобы мы разом разошлись, когда, устанавливая должную экономию в искусстве, я стану советовать то, что может показаться вам слишком большим вмешательством или стеснением свободы художника и его патрона. Мы, при всем нашем благоразумии, склонны отчасти действовать под влиянием первого импульса даже в делах чисто коммерческих, а тем более в тех, где фантазия играет главную роль. Ваше дело решить, поскольку предлагаемые мною системы или стеснения уместны, я же попрошу вас не отвергать их только в силу того, что они – системы, налагающие известные стеснения. Помните ли вы интересное место у Карлейля, в котором он сравнивает существующую в настоящее время у нас, в Англии, подразумеваемую денежную цену человека и лошади, причем удивляется, что лошадь, животное с менее развитыми мозгами и с неуклюжими копытами вместо рук, стоит на рынке всегда известное количество рублей или десятков рублей, тогда как человек не только не имеет на рынке определенной цены, но часто даже оказывает услугу обществу, стерев себя с лица земли. Карлейль не дает на этот вопрос ответа, потому что предполагает, что мы сразу поймем причину этого различия. Цен-

³ Срав. статью Вордсворта о билле относительно «Реформы закона о бедных». Я привожу из нее следующий замечательный отрывок: «Если небезопасно касаться отвлеченного вопроса о праве человека в социальном государстве помогать себе даже до последней крайности, то не можем ли мы, однако, настаивать на обязанности христианского правительства, стоящего *in loco parentis* по отношению к своим подданным, быть настолько предусмотрительным, чтобы никому не грозила опасность погибнуть от небрежности или жестокости законодательства? Или даже, оставляя это в стороне, неужели же, спросим себя, может быть сомнение в том, что гос ударство, предъявляя права на верноподданности себя, тем самым не принимает на себя обязанности защищать своих верноподданных? И так как права предполагают и соответствующие обязанности, то из этого следует, что право гос ударства на услуги граждан, даже до обязанности рисковать жизнью при общественной защите, тем самым обуславливает народам право на общественную помощь в тех случаях, когда по той или другой причине кто-нибудь из подданных нуждается в ней». (Смотри примечание 2-е в прибавлении.)

ность лошади зависит от того, что вы можете всегда накинуть на нее узду. Ценность человека состоит в том же самом. Если его можно взнуздывать или, что еще лучше, если он сам может обуздывать себя, то будет ценным созданием. В противном же случае, с известной промышленной точки зрения, он не имеет никакой цены или цену чисто случайную. Только, конечно, узда, пригодная для человека, не ременная; а из чего она состоит, мы можем узнать из следующих слов псалмопевца: «Не будьте как конь, как лошак неосмысленный, которых челюсти нужно обуздывать уздою и удилами» (Пс. 31, 9). «И вам нужны поводья, но совсем другого рода». «И буду руководить тебя, Око Мое над тобою». Итак, руководящими поводьями для человека служит Око Божье; но если он отвергает это руководство, то наилучшими уздами для него являются пригодные и для лошадей и для неосмысленных лошаков, а если он не признает и последних и закусывает удила, то захлебнется в «крови, текущей из точила гнева Божия даже до узд конских» (Ап. 14, 20).

Оставляя эти общие и крайне важные законы управления или, вернее, сводя их к занимающему нас вопросу, нам предстоит рассмотреть приметы трех вышеуказанных пунктов дисциплины к той особенной ветви человеческого труда, задачей которой является не доставление хлеба, а выражение чувств. По отношению к искусству нам предстоит рассмотреть вопросы о применении труда к искусству, о накоплении и сохранении произведений этого труда и, наконец, о распределении их. Но так как в искусстве применяется труд особого класса людей – людей, одаренных для этой деятельности особым талантом, – то нам предстоит рассмотреть не только вопрос о том, как применять труд, но, прежде всего, как создавать подходящих работников. Таким образом, и в данном специальном случае вместо трех возникает перед нами четыре вопроса. Первый вопрос: как получить таланты? Второй: как применять их труд? Затем – как по возможности лучше и больше накапливать и сохранять плоды их трудов и, наконец, как распределять их работу с наибольшей пользой для нации? Рассмотрим же последовательно все четыре вопроса.

1. *Открытие.* Как приобрести людей талантливых, т. е. какими средствами получить среди нас в любое данное время наибольшее количество деятельных художественных талантов? Обширный, как видите, вопрос, включающий сведения о всех лучших способах художественного образования. Да, но я и не думаю рассматривать этого вопроса, а только хочу установить несколько общих принципов, лежащих в основе его. И из них первый заключается в том, что вам приходится всегда находить, а не создавать художников, так как вы не в силах создать их, как не можете делать золото. Вы в состоянии только отыскать и очистить его; вы раскапываете его в виде самородка на дне горного потока, приносите домой и обращаете в монеты, в блюда, но ни одного зерна его вы не можете сами сделать. Известное количество художественных талантов ежегодно рождается в каждой стране, оно больше или меньше, смотря по природе и степени развития нации или породы людей, но ежегодно их имеется вполне определенное количество, которое вы не можете увеличить ни на одну крупинку. Вы можете растерять или собрать его, вы можете оставить его лежать на дне оврага, зарытым в песке, или можете делать из него троны и врата храмов, но самое большее, что вы можете делать, это – просеивать, плавить, ковать и очищать, но не создавать его. И относительно этого художественного золота нужно еще заметить, что ограничено не только количество его, но и применение или употребление его. Вы можете делать из него троны или золотые ворота, если хотите, но ничего более. Вы не можете делать ни ножей, ни оружия, ни рельсов. Золото не способно ни резать, ни служить для перевозки, и для механического употребления оно сразу оказывается непригодным. Правда, что в величайших художниках их художественный дар соединен с другими дарами, и вы можете пользоваться этими другими способностями, оставляя художественные в полном дремотном состоянии. Очень может быть, что в настоящее время два или три Леонардо да Винчи заняты работами на ваших гаванях или на железных дорогах, но вы при этом не пользуетесь их леонардовскими или золотыми способностями, а только подавля-

ете или губите их. В обыкновенном же человеке художественный дар не соединен с другими; ваш врожденный художник, если вы не сделаете из него художника, не будет ни выдающимся купцом, ни выдающимся юристом, и, во всяком случае, что бы из него ни вышло, его специальный дар останется без применения вами и нисколько не поможет ему в других занятиях. Таким образом, вы имеете здесь известное количество особого рода дарований, производимых для вас ежегодно законами Провидения и которыми вы можете воспользоваться, применяя их к подходящему для них делу; всякая же попытка иначе воспользоваться этими дарованиями представляет явную потерю определенной человеческой энергии. Теперь предположим, что мы хотим воспользоваться последней и задаем себе вопрос: как лучше всего открыть и развить ее? Открыть этот дар довольно легко. Стоит только пожелать воспользоваться им, и вы тотчас же откроете его. Для этого вам только необходимо иметь по школе испытания⁴

⁴ См. примечание 3-е в прибавлениях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.